

Е. С. Аглонова

СПбГУ, Санкт-Петербург

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА БЕЗ ПОСЕССОРА В ЯЗЫКЕ БАМАНА

В языке бамана (манде < нигер-конго) термины родства зачастую употребляются с эксплицитно выраженным посессором. Однако это не всегда так.

- (1) *Jàra-den*   *yé*   *fà*   *mìne*   *kà*
лев-ребенок   PFV.TR   отец   хватать   INF
bá   *mìne*.
мать   хватать

‘Львенок схватил отца и схватил мать’.

[gorog1979-waraden_min_be.dis.html]

В (1) термины родства *fà* ‘отец’ и *bá* ‘мать’ не имеют посессора.

О склонности терминов родства к обязательному употреблению с посессором упоминается в [Dahl, Кортжевская-Тамм 2001: 211]. Это связано с ингерентной неотчуждаемостью терминов родства. Семантика таких имен предполагает обязательное наличие посессора, выступающего в качестве «референциального якоря» (anchor). Целью исследования является попытка определения контекстов, в которых все-таки возможно употребление терминов родства без эксплицитно выраженного посессора. Исследование проводилось на материале корпуса языка бамана Le Corpus Bambara de Référence.

Самыми распространенными условиями, необходимыми для опущения посессора, оказались дискурсивные факторы: использование термина родства в предшествующем дискурсе с посессивным местоимением или зависимым именем (2) и низкий референциальный статус термина родства, характерный для пословиц или дидактических текстов (3).

- (2) *Fàamanje nà-na kà*
 Фаамандже приходить-PFV.INTR INF
n'í kánto à fà mà (...) *Fà*
 приходить.REFL обращаться SG отец PP отец
kó: mún ké-ra?
 QUOT что делать-PFV.INTR
 ‘Фаамандже подошел к (своему) отцу и обратился к нему
 (...) Отец спросил: «Что случилось?»’.
 [banbera-faamanje_ni_faantanje.dis.html]

В (2) при первом упоминании *fà* ‘отец’ употребляется с посессивным местоимением, тогда как при всех последующих упоминаниях оно опускается.

- (3) *Dén fóló bέ jò fà jǔyǔ lá,*
 ребенок первый IPFV.AFF ставить отец роль PP
àlé dè bέ ké dùgutigi yé.
 3SG.EMPH FOC IPFV.AFF делать вождь PP
 ‘Первый ребенок занимает место отца, и именно он становится вождем деревни’.
 [bird_hutchison_kante-an_ka_bamanankan.dis.html]

В (3) речь идет о правилах наследования власти в баманской деревне: *dén* ‘сын’ и *fà* ‘отец’ употребляются в генерическом контексте, не имея конкретных референтов в реальном мире.

Помимо дискурсивных факторов, опущение посессора может зависеть от ряда синтаксических условий. Во-первых, возможно опущение посессора в эквативной конструкции, где первый член кореферентен второму (4). Во-вторых, посессор всегда опускается при генерическом отрицании (5).

- (4) *Nká à k' à dón kó: án tǎ-w,*
 но 3SG SBJV 3SG знать QUOT 1PL остаток-PL
án yé bá-w ní fà-w yé.
 1PL EQU мать-PL и отец-PL PP
 ‘Но он должен знать, что мы оставшиеся, мы — матери и отцы’.
 [kuyate-sous_1_orage.dis.html]

В (4) первый член эквативной конструкции, выраженный местоимением *án* ‘мы’, кореферентен второму члену, выраженному координативной именной группой, составляющими которой являются термины родства.

- (5) *Fà té à lá, bá té à lá, ò*
 отец COP.NEG 3SG PP мать COP.NEG 3SG PP это
fiɛ nìn yé, ò ké-ra fàama yé.
 смотреть этот PP это делать-PFV.INTR правитель PP
 ‘У него нет отца, у него нет матери, и вот он стал правителем’.
 [meyer_gorog-contes_bambara.dis.html]

В (5) отрицается существование лиц, к которым реферируют термины родства.

Итак, несмотря на то, что в языке бамана термины родства, как правило, употребляются с эксплицитно выраженным посессором, существует ряд контекстов, где возможно опущение посессора при термине родства. В основном это связано с дискурсивными факторами. При этом важно отметить, что наличие того или иного дискурсивного фактора не определяет однозначно отсутствие посессора, тогда как более редкие контексты, например, генерическое отрицание, строго запрещают наличие посессивного местоимения.

Список условных сокращений

COP NEG — копула неглагольного отрицательного локативного предложения; EMPH — эмфатическая серия местоимений; EQU — копула в эквативном неглагольном предложении; FOC — фокализатор; INF — инфинитив; IPFV.AFF — утвердительный имперфектив; OPT — оптатив; PFV.INTR — перфектив для интранзитивных глаголов; PFV.TR — перфектив для транзитивных глаголов; PP — послелог; QUOT — квотативная копула; REFL — рефлексивное местоимение.

Источники

Corpus Bambara de Référence — Le Corpus Bambara de Référence.
 (<http://cormand.huma-num.fr/>).

Литература

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Dimensions of Possession [Typological Studies in Language 47]. John Benjamins, 2001. P. 211–225.

П. М. Аркадьев

Исл РАН — РГГУ — МПГУ, Москва

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АКЦИОНАЛЬНОСТИ,
АСПЕКТА И ВРЕМЕНИ В УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
КУБАНСКОГО ДИАЛЕКТА
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА¹**

Во многих языках мира показатели прошедшего времени выступают в условных конструкциях для выражения контрфактивного значения [James 1982; Dahl 1997; Iatridou 2000]; это особенно характерно для форм, выражающих значения из зоны «сверхпрошлого» [Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013]. В большинстве исследований на эту тему рассматривались в основном вопросы, связанные с временной референцией и модальной интерпретацией условных конструкций, в то время как роль аспекта и акциональности систематически не изучалась. В моей работе, основанной на полевых данных, собранных в июле 2016 г. в ходе экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в а. Блечепсин Кошехабльского р-на Респ. Адыгея, предлагается анализ взаимодействия всех трех указанных факторов.

Адыгские языки обладают богатыми системами времен, основанными на противопоставлении перфективного претерита и имперфекта, показатели которых могут комбинироваться для выражения значений зоны сверхпрошлого, см. [Короткова 2009; Солин 2011; Клягина 2016]. В кабардино-черкесском языке и его диалектах показателем «ретроспективного сдвига», образующим основные формы сверхпрошлого, служит суффикс имперфекта *-t(e)*. В ирреальных условных конструкциях он используется и в протазисе, и в аподозисе, причем если протазис имеет референ-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00580.

цию к прошлому, имперфект присоединяется к суффиксу претерита:

- (1) *dəv^wase thamex^we = max^w-a-te-me*
 вчера воскресенье=день-PST-IPF-COND
de də-lež'e-ne-te-ǰəm
 мы 1PL.ABS-работать-FUT-IPF-NEG
 'Если бы вчера был выходной, мы бы не работали'.

Такая композиционная картина, однако, не учитывает ситуации, где протазис сам имеет имперфективную интерпретацию и где ожидалось бы два вхождения показателя имперфекта — один с аспектуальным, другой с ирреальным значением. Удвоение имперфекта, однако, недопустимо, так что имперфективные протазисы могут иметь референцию как к прошлому, так и к настоящему и быть как контрфактивными, так и реальными в зависимости от контекста и от формы аподозиса, ср. (2) и (3).

- (2) *jə-pe-č'e turcije-m*
 POSS-раньше-INS Турция-OBL
wə-k^we-te-me, tərkwə-bze
 2SG.ABS-идти-IPF-COND турок-язык
ʂə-z-we-mə-ve-çax^w-a-r *ʎo?*
 REL.RSN-RFL.IO-2SG.ERG-NEG-CAUS-знать-PST-ABS что
 'Если ты раньше ездила в Турцию, почему не выучила турецкий язык?'

- (3) *ʒ'əpstu weš'x ǰ-je-mə-š'x-te-me*
 сейчас дождь DIR-DAT-NEG-дождить-IPF-COND
ǰe-t-k^wehə-ne-t
 DIR-1PL.ERG-ходить-FUT-IPF
 'Если бы сейчас не шел дождь, мы бы пошли гулять'.

Допустимость собственно контрфактивных форм *-a-te-me* «претерит-имперфект-кондиционал» зависит от акциональности и аспекта: при предельных глаголах они выражают только перфективность и противопоставлены имперфекту (4), в то время как при непредельных и особенно стативных глаголах эти формы допустимы и в имперфективных контекстах, ср. (1).

- (4) *dəv^wase s-jə-nev^wənž'e-xe-r*
 вчера 1SG-POSS-очки-PL-ABS
q̄e-z-Ɂ^wet-a-te-me / **q̄e-z-Ɂ^wet-te-me*
 DIR-1SG.ERG-найти-PST-IPF-COND DIR-1SG.ERG-найти-IPF-COND
w-jə-pjəs'mo-m s-je-ž'e-fə-ne-t
 2SG-POSS-письмо-OBL 1SG.ABS-DAT-читать-HBL-FUT-IPF
 'Если бы я вчера нашла очки, я бы смогла прочесть твое письмо'.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; CAUS — каузатив; COND — кондиционал; DAT — дативный преверб; DIR — директивный преверб; ERG — личный показатель ряда эргатива; FUT — будущее время; HBL — хабилитив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфект; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; RSN — причинный показатель; SG — единственное число.

Литература

- Клягина 2016 — Е. С. Клягина. Система прошедших времен в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка. Курсовая работа. РГГУ, М., 2016.
- Короткова 2009 — Н. А. Короткова. Прошлое и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтезизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 262–286.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Сомин 2011 — А. А. Сомин. Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3, 2011. С. 438–443.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 97–114.

- Iatridou 2000 — S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // *Linguistic Inquiry* 31(2), 2000. P. 231–270.
- James 1982 — D. James. Past tense and the hypothetical. A cross-linguistic study // *Studies in Language* 6(3), 1982. P. 375–403.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59(4), 2006. P. 317–349.

Т. А. Архангельский, М. Н. Усачёва

НИУ ВШЭ, МГУ, Москва

ФУНКЦИИ ПОСЕССИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ 3 ЛИЦА В БЕСЕРМЯНСКОМ УДМУРТСКОМ: АНАЛИЗ РАЗМЕЧЕННОГО КОРПУСА

Во многих уральских языках (волжских, пермских, обско-угорских) показатели посессива 3 и 2 лица выражают не только посессивные значения [Лыткин и др. 1974]. Отмечалось, что в литературном удмуртском языке [Перевошиков 1962: 84; Winkler 2001: 29] и в бесермянском диалекте [Тепляшина 1970: 176] посессивы 2 и 3 лица маркируют определенность, а также контрастный фокус [Кузнецова 2012]. По нашим данным, в бесермянском диалекте эти показатели находятся в процессе грамматикализации в маркеры определенности, но пока не используются для выражения определенности *per se*.

Исследование основано на анализе выборки существительных и реляционных имен из корпуса бесермянских текстов (<http://beserman.ru/corpus/>). Выборка включает 10 текстов разных жанров. Существительные и группы с реляционными именами были размечены по наличию/отсутствию посессивных показателей и по другим параметрам. Общий объем выборки — около 2000 имен. После разметки факторы, коррелирующие с употреблением показателя P.3SG (-*ez*/*-žz*), были проанализированы вручную и с помощью алгоритмов машинного обучения. Посессивный показатель P.2SG не рассматривался из-за недостаточного количества примеров. В итоговой выборке 72% употреблений не имели посессивного маркирования.

Среди параметров, по которым были размечены все имена выборки, значимыми (коррелирующими с вероятностью употребления показателя P.3SG) оказались одушевленность, падеж зависимого (генитив или номинатив), семантический класс, синтаксическая позиция, референциальный статус и референциальное

расстояние (расстояние в клаузах до предыдущего упоминания референта). Незначимыми оказались принадлежность к классу имен с неотчуждаемой принадлежностью, расстояние в клаузах до первого упоминания референта и topic persistence (количество упоминаний референта на протяжении нескольких клауз, предшествующих данному употреблению). Еще несколько параметров, в первую очередь связанных с информационной структурой (например, тема-рематическое членение), в настоящий момент размечаются.

На размеченных данных были натренированы две модели машинного обучения (SVM и дерева решений), предсказывающие появление показателя P.3SG по значениям всех размечаемых параметров. Точность моделей, проверенная на сбалансированной по числу посессивных и непосессивных употреблений подвыборке, составила 81% (SVM). Это означает, что параметры действительно до некоторой степени объясняют выбор посессивного оформления, но исследование следует продолжить. Из дерева решений, построенного по размеченным данным, видно, что наиболее значим референциальный статус имени. Имена с определенным и слабоопределенным статусом употребляются без посессива в 56% и 61% случаев соответственно, а имена с более низкими статусами — в 92% случаев.

Интересно референциальное расстояние, размеченное для определенных и слабоопределенных употреблений. Поскольку разница, например, между расстояниями в 2 и 3 клаузы намного важнее, чем между расстояниями в 22 и 23 клаузы, расстояния были сгруппированы в интервалы экспоненциально увеличивающейся длины, после чего доля посессивных употреблений была подсчитана для каждого интервала. Оказалось, что рост референциального расстояния в рамках 15–20 клауз увеличивает вероятность появления посессива. Однако после этого вероятность наоборот уменьшается, а с совсем большими расстояниями ведет себя нестабильно. Таким образом, показатель P.3SG используется для реактивации референта, который недавно упоминался, но успел потерять активацию. Обратный эффект на расстояниях больше 20 клауз (начиная с 6-го интервала), видимо, означает, что, начиная с некоторого референциального расстояния очередное

упоминание референта в разговоре вводит его заново — говорящий сбрасывает «референциальный счетчик».

Литература

- Кузнецова 2012 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 250–252.
- Лыткин и др. (ред.) 1974 — В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеев (отв. ред.). Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.
- Первошиков (отв. ред.) 1962 — П. Н. Первошиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. [Languages of the World 212]. Munich: Lincom Europa, 2001.